

СООТНОШЕНИЕ ЧУВСТВЕННОСТИ И РАЗУМНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА.
ЧАСТЬ 1: ИНТУИЦИОНИЗМ VS РАЦИОНАЛИЗМ

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 марта 2024 г.

Аннотация: противопоставляются рационалистический и интуитивистский подходы к обоснованию морали. Позиция интуитивизма справедлива в том отношении, что моральное решение, в случае сформированной системы ценностей, первично возникает на уровне чувственной автоматической реакции. Анализируются противоречия интуитивизма, обнаруживается ряд верных заключений рационализма. На основе данного анализа представляется возможным выделить три истока и уровня морального поведения: биологический (доморальный), социальный и разумный. Каждому из них соответствует своя базовая психическая способность и коррелирующий с ней комплекс чувственных переживаний. Биологическому уровню соответствует инстинктивно-гормональная регуляция и врожденно заданное чувство. Социальному уровню – рассудок и социальные инстинкты. Разумному уровню – разум и моральный вкус (разумные инстинкты).

Ключевые слова: разум, чувство, мораль, этический рационализм, интуитивизм.

Abstract: this article contrasts rationalistic and intuitionistic approaches to the justification of morality. The position of intuitionism is correct in the sense that a moral decision, in the case of a formed value system, primarily arises at the level of a sensual automatic reaction. The contradictions of intuitionism and the strengths of rationalism are analyzed. Based on this analysis, it seems possible to distinguish three sources and levels of moral behavior: biological (pre-moral), social and rational. Each of them has its own basic mental ability and a complex of sensual experiences correlating with it. The biological level corresponds to instinctive-hormonal regulation and an innately given feeling. At the social level – understanding and social instincts. To the rational level – reason and moral taste (reasonable instincts).

Key words: reason, feeling, morality, ethical rationalism, intuitionism.

Первые попытки обоснования взаимосвязи разумности и нравственности встречаются в философской мысли Античности в рамках этического рационализма. Сопоставляя силы и способности человеческой души, данный подход занимает весьма определенную позицию в отношении ее чувственной составляющей: чувственность нуждается в контроле разума, иначе она быстро скатывается в страсть, или аффект, который легко склоняет человека в крайности и уводит от меры – центральной моральной категории античной этики, выражающей разумность. Поиск меры, середины между двумя крайними душевными состояниями составляет суть аристотелевского учения: добродетельные качества «в одинаковой мере гибнут от избытка и недостатка, в то время как середина спасает их» [1, с. 26]. При этом чувство не

всегда имеет негативную характеристику, оно может доставлять человеку приятность, удовольствие, но только в том случае, если оно освещено разумностью и одновременно проникнуто нравственностью. Как пишет Эпикур, «нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно» [2, с. 213]. Таким образом, тот, кто грешит против разумности и поддается спонтанному чувственному порыву, грешит и против нравственного поведения.

Между тем легко заметить, как зачастую данная позиция вызывает внутреннее сопротивление, а то и решительную критику. Более наблюдательный и впечатлительный человек легко отмечает, что в процессе восприятия морального поступка или несправедли-

вого действия первичная реакция возникает именно на чувственном уровне, как одобрение или возмущение. Отсюда создается впечатление, что именно чувство, интуиция, волевой порыв, но отнюдь не разум лежат в основе нравственной природы человека. Более того, в крайнем варианте критика этического рационализма настаивает на том, что именно разумность, связанная с сомнением, взвешиванием «за» и «против», выгод и потерь, более всего вредит нравственному самоотвержению. Что если бы человек руководствовался возвышенным порывом, то он мог бы совершать героические деяния значительно чаще, но именно голос разума останавливает его и подрывает полет. Лучше всего данную позицию выразили известные шекспировские строки:

Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия [3].

Представление о том, что «героизм следует чувству, а не рассуждению» [4, с. 97], приобретает всё большее распространение и популярность в немалой степени благодаря психологическим, биологическим и нейронаучным исследованиям, посвященным проблемам этики. Существует множество хорошо известных экспериментов, проводимых психологами с целью изучения нравственных основ человеческого поведения. Так, испытуемым предлагали помочь человеку, попавшему в беду, или внести некоторую сумму денег на благотворительность. В ситуации, когда решение необходимо было принять мгновенно, не раздумывая, вклад большинства людей в помощь ближнему оказывался значительно весомее, нежели когда давалось время на обдумывание [5, с. 455]. И чем больше времени на размышления получал человек, тем менее отзывчивым становился он в длинном ряде случаев. В связи с этим примечательны размышления нидерландского ученого Франса де Ваала, выраженные в его знаменитой работе «Истоки морали»: «Подумайте: это означает, что первый порыв человека – довериться и помочь; лишь во вторую очередь мы начинаем взвешивать возможность не делать этого, и для такого решения нам нужна причина» [6, с. 76]. Автор отмечает, что людям свойственна «эмоциональная склонность к сотрудничеству», преодолеть которую мы можем только на основе сознательных когнитивных усилий.

Вывод о том, что «рационализация» душевных движений только вредит нравственной самоотверженности, представляется, на наш взгляд, поспешным и не соответствующим сложности и многогранности возможных ситуаций, что мы попытаемся показать в дальнейших выводах работы. Вместе с тем критика

рационалистического подхода в объяснении сущности морали имеет свои доказательства и является одной из распространенных тенденций современной науки. В частности, с подобной критикой выступает американский психолог Джонатан Хайдт, который утверждает, что моральные решения человек принимает интуитивно, «нутром», не останавливаясь на них сознательно. Отсюда и название развиваемого им подхода – интуиционизм. Ученый приводит множество примеров из своей психологической практики. Когда человека спрашивают о причине его действия, имеющего моральный посыл, он чаще всего пожимает плечами и не может дать осмысленный развернутый ответ: сделал на автомате, потому что так правильно, потому что иначе не мог, иначе недопустимо, отвратительно – добиться более внятной аргументации в подавляющем числе случаев бывает довольно трудно.

Хайдт отмечает, что большая часть истории этической мысли – это главенство рационалистического подхода, начиная от античности, через Средние века и вплоть до Нового времени, когда только в XVIII в. стали серьезно обсуждаться альтернативы, способные побороться с господствовавшим мнением (например, в трудах Ф. Хатчесона, Д. Юма). Критику этического рационализма ученый выдвигает в качестве своей основной задачи, пытаясь показать, что, во-первых, моральные действия не побуждаются моральными рассуждениями; «скорее, моральные рассуждения обычно представляют собой конструкцию *post-hoc*, генерируемую после того, как было принято решение» [7, р. 814]. А, во-вторых, что само «моральное действие в большей степени связано с моральными эмоциями, чем с моральными рассуждениями», и «является результатом быстрых, автоматических оценок (интуиции)». В поддержку своей позиции Хайдт ссылается, в частности, на Юма. По мысли английского классика, разум сам по себе не может инициировать какое-либо действие, он лишь собирает и обрабатывает информацию, полученную об объектах мира и отношениях между ними. На основе только рациональной способности человек не может совершить ни один даже самый простой выбор, не говоря уже о сложных и неоднозначных ситуациях, сформированных эмоциональным и социальным контекстом. Для разума все варианты выступают как безразличные альтернативы. Юм предположил, что субъективно значимые «моральные различия происходят из чувства». Без этого внутреннего чутья у человека как бы атрофируется способность совершать моральный поступок, философ обрисовал портрет такой личности: «...Она созерцает счастье и несчастье всех одаренных чувствами существ с большим безразличием, чем два смежных пятна одного и того же цвета. Предположим, что если бы процветание

народов оказалось на одной чаше весов, а их гибель – на другой и от этого человека потребовали выбора, то он пребывал бы, подобно ослу схоласта, в нерешительности, колеблясь между равными мотивами...» [8, с. 236].

Весьма любопытным в контексте рассматриваемой темы является тот факт, что с точки зрения исследований нейробиологии нарисованный Юмом портрет оказался весьма приближенным к действительности. В мозге человека ученые выделяют различные отделы, среди которых есть «самый сознательный, самый прагматичный и самый бесстрастный», назовем его рациональным отделом, дабы не утомлять читателя сложной научной терминологией. Он уравнивается «второй главной областью», которая «заведует эмоциональной стороной в принятии решений» [5, с. 55]. Примечательно, что в случае повреждения эмоционального отдела «в основном всё остается в норме: познавательная способность, рабочая память, адекватное оценивание. Люди могут выполнять трудные, «высоколобые», задания... Разница становится видна, когда дело доходит до решения социальных и эмоциональных задач. Тут пациенты... сдаются, они не в состоянии решить что бы то ни было в этом духе» [там же, с. 56]. Они способны осмыслить возможные альтернативы, но не могут принять эмоциональное решение, касающееся их лично. Проблема в том, что исчезает «то самое первичное нутряное чувство и решить что-то станет гораздо труднее» [там же, с. 57]. Чувство, существование которого и предполагал Юм. Человек не может склониться к определенному выбору, так как ему не удастся «прочувствовать» ситуацию, пропустить варианты через себя и представить, какой из них был бы лучше для него или других людей. А те решения, которые он в конечном итоге всё-таки вынужден принять, оказываются исключительно «неуклюжими», неадекватными обстоятельствам. Человек с указанными нарушениями не чувствует, что в определенной социальной ситуации чего-то не следует говорить или делать, он может быть излишне прямолинеен, бестактен и со всей своей «высоколобой» рациональностью поступает крайне глупо. В итоге мы получаем довольно неожиданный вывод, дающий новое свидетельство в пользу интуиционистского подхода: для проявления разумности требуется способность тонко чувствовать. Особенно, когда речь идет о социальном контексте.

Еще одна важная интуиция Юма легла в основу современных споров о природе нравственного чувства. Последнее рассматривается английским философом как некая природная данность, врожденная способность, или, выражаясь словами Шекспира, который в поэтической форме воплощает то, что Юм высказывает на языке понятий, – «решимости при-

родный цвет». Действительно, если моральное чувство возникает спонтанно, бессознательно, до всякой работы разума, который лишь вторично пытается осмыслить и подтвердить то, что первично происходит в чувстве и действии, то закономерно возникает склонность объяснить мораль как некое природное, врожденное свойство и попытаться отыскать ее естественные, внекультурные истоки. Прежде всего, речь идет о поиске биологических начал рассматриваемой сферы человеческого духа. Как утверждает отечественный психолог Е. П. Ильин, есть все основания полагать, что в развитие морального поведения большой вклад вносят генетические, биологически предопределенные факторы: «Так, в последнее время все больше накапливаются факты, свидетельствующие о том, что даже самые “высшие” проявления нашей психики – такие, как мораль, – имеют вполне материальную основу; что соответствующие психологические механизмы возникли в результате биологической эволюции» [9, с. 126].

Попытка искать истоки морали «снизу», в факторах нашей биологической организации, принадлежит, в частности, уже упоминавшемуся выше Ваалю. Ученый отстаивает идею о том, что мораль не насаждается «сверху» неким мировым разумом, или трансцендентальным субъектом, или, если человек мыслит религиозно, Богом. Она не существует в виде ниспосланного свыше абстрактного нравственного закона. «Разве реально было бы убедить человека заботиться о других, – пишет Вааль, – если бы ему не была изначально присуща естественная склонность к этому? <...> Представьте, какую когнитивную нагрузку нам бы приходилось нести, если бы каждое принимаемое решение нужно было проверять при помощи “спущенной сверху” логики... Человек не откапывал мораль, извлекая ее из рациональных рефлексий; напротив, он получил мощный толчок снизу, из своего неизбывного социально-животного прошлого» [6, с. 30–31]. Действительно, с сожалением можно констатировать, что если бы человеку приходилось задумываться над каждым принимаемым моральным решением, то подавляющему большинству людей несомненно не пришлось бы по душе подобная «когнитивная нагрузка» и нравственного поведения оказалось бы исчезающе мало. В этом отношении природа хорошо знала своих нерадивых детей и не надеялась на их когнитивные усилия, закрепив важнейшие для выживания аспекты поведения в виде инстинктивных автоматизмов.

В данной связи примечателен отрывок из разговора Сапольски с одним правдивым человеком: «“Почему вы никогда не обманываете? Потому что оценка возможных последствий вранья вошла в привычку? Или вы строго придерживаетесь золотого правила морали?..” А в ответ: “Понятия не имею

[пожатие плечами]. Не вру и всё». Поступать правильно – это и есть самое простое» [5, с. 463]. Вряд ли можно поспорить с тем, что автоматическое инстинктивное действие, не обремененное необходимостью «оценки возможных последствий» и размышлениями о правилах нравственности, есть самое простое. Но мы далеки от воодушевления ученого, связанного с тем, что выбор правильного решения является делом однозначным и самоочевидным. Едва ли моральная проблематика относится к области чего-то простого, где можно свободно довериться некоему неопределенному внутреннему чутью... В рамках данного сюжета нельзя не вспомнить ироничные замечания нашего отечественного нейробиолога С. В. Савельева, который много размышляет на тему инстинктивного поведения в области морали. Активная мыслительная работа мозга крайне энергозатратна, поэтому он всячески старается от нее избавиться и приветствует, поощряя гормонально, привычные автоматические действия: «...Мозг обывателя будет настойчиво подталкивать своего хозяина к принятию интуитивного решения, проверенного предыдущей эволюцией... Если все вокруг поступают аналогичным образом, то можно легко прожить целую жизнь, так и не приходя в сознание» [10, с. 56].

Однако тем, кто хотя бы иногда приходит в сознание, хорошо знакома мучительная трудность «когнитивной нагрузки» морального выбора и обоснования ценностных принципов. Многократно поднимаемая в философской и художественной литературе эта вечная тема, как представляется, с особой остротой и прозрачностью выражена в знаменитой Легенде о Великом инквизиторе Достоевского. Вспомним пустыню, через которую прошли Инквизитор и Христос. Там они говорили с духом, «не с человеческим текущим умом, а с вековым и абсолютным», который поднимал «все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле» [11]. Образ пустыни выражает поднятую на уровень предельных оснований мыслительную работу ищущего человека, непреодолимую в своей многозначности и неопределенности, доводящую до отчаяния в своей безысходности. Ту работу мысли, которая единственно открывает путь к подлинной свободе. И какой гневный упрек бросает Инквизитор Христу, обрекшему на эти поиски всё человечество, в массе своей состоящее из слабых людей, которые не хотят и не способны брать на себя ответственность за решения подобного рода: «Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? ...Невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач» [там же].

Между тем интуиционисты не видят в аксиологической проблематике особых забот и неразрешимых

задач. Показательным в этом отношении является название введения в книгу Хайдта «Гипотеза счастья» – «Слишком много Мудрости», в дословном переводе [12]. Или, в русском переводе, «Меньше знаешь – крепче спишь». Книга призвана ответить на извечные философские вопросы, волновавшие человечество с древности: «что мне делать, как мне жить и кем я должен стать?» Обращаясь к мудрости Востока и Запада, в ее многообразных традициях и направлениях, начиная от давних времен и доходя до анализа современности, автор уверенно констатирует, что сложность указанных проблем излишне преувеличена: «Многие из нас задаются подобными вопросами, и, учитывая современную жизнь, какова она есть, нам не нужно далеко ходить, чтобы найти ответы» [Ibid.]. Какой же рецепт счастья предлагает автор? По мнению Хайдта, всё просто: нужно найти свою цель в жизни, быть максимально вовлеченным в деятельность и необходимо получать как можно больше удовольствия («преследовать удовольствие»), которое понимается как переживание положительных эмоций. Мы не будем спорить с автором, всегда ли просто найти цель, достойную того, чтобы посвятить ей все свое время и погрузиться в нее целиком. Лишь отметим, что нередко полная самоотдача и абсолютная погруженность в дело заставляют человека отказаться от всего остального, что ему дорого в жизни. Кроме того, достижение выбранной цели далеко не всегда сопряжено с удовольствиями, а часто с преодолениями и страданиями... И чем значимее и выше цель, тем чаще придется сталкиваться с вопросами, допустимы ли на этом пути обман, предательство, использование других людей в качестве средства и т.д. Вряд ли получится согласиться с приведенной выше цитатой, что «поступать правильно – это самое простое». Однако, как можно понять Хайдта, его позиция не предполагает каких-либо обременительных целей, она представляет собой своего рода гибрид эстетического и этического типов личности по Кьеркегору: это эстетик без крайней аморальности или этик без чрезмерной серьезности. Как эстетик человек погружается в то дело, которое ему нравится, но не бросает его сразу, при появлении первых трудностей, а какое-то время готов поупираться, но не без настойчивости этика. Говоря иначе, это эстетик, несколько ограничивший свою игру, чуть более ответственный и поэтому менее аморальный; или этик, допускающий послабления, возможность иногда забыть о долге и делать что-то ради удовольствия, и поэтому немного менее моральный. Так, умело лавируя между крайностями обеих позиций, можно избежать последствий отчаяния, о которых предупреждает Кьеркегор. Таким образом, мы получаем тип обывателя, не способного, да и не стремящегося к чему-то большему, чем он сам. Ему вполне подходит та жизненная мудрость, которая

повсеместно встречается в современных интернет-пабликах, что счастье содержится в мелочах. Замахиваясь на что-то большое, можно проиграть и разочароваться, а мелочь в карманах всегда найдется.

Как бы то ни было, интуиционисты заметно снижают важность активной мыслительной деятельности в решении аксиологических вопросов: «человек не откапывал мораль, извлекая ее из рациональных рефлексий» (Вааль). Хайдт утверждает, что данное снижение явилось неизбежным следствием того, что ученые в конце XIX в. покинули свои кресла и перешли в лаборатории. Найдя доказательства того, что моральный выбор первично осуществляется на уровне интуиции, представители науки с радостью поспешили сдать этический рационализм в архив, позабыв скучные призывы занудных философов-классиков о необходимости долго и трудно думать, прежде чем что-то сделать. Ведь моральный выбор всё равно совершается до всякой мысли, мудрая природа позаботилась о его начатках в нашей биологической организации и нужно просто довериться своему врожденному чутью. Маятник научного сообщества на какое-то время качнулся от крайности этического рационализма в другую крайность – интуиционизма. Человек – такое существо, что ему сначала нужно погрузиться в крайности, прежде чем установить более взвешенное решение. И на волне увлеченности интуиционизмом из этих самых «лабораторий» стали поступать свидетельства в пользу значимости уровня интеллектуальной деятельности человека в принятии морального решения, и вновь стали развиваться рационалистические подходы в области этики (П. Ф. Лесгафт, Л. Кольберг). Что само по себе весьма закономерно, ибо интуиционизм сталкивается с существенными трудностями в объяснении морали и содержит немало внутренних противоречий.

Прежде всего, если истоки морали имеют естественное происхождение и берут свое начало в биологической организации человека и, следовательно, «поступать правильно – это самое простое», то почему всё так сложно в области этики? Говоря иначе, как в таком случае объяснить огромное множество учений о добре и зле, разнообразие образов жизни, нравственных принципов и правил? Вполне логично предположить, что моральные ценности, проистекающие из общего истока и единых инстинктивных чувств, будут если не одинаковыми, то, по крайней мере, схожими, но никак не диаметрально противоположными. В противном случае естественно заключить, что врожденные интуиции оказываются далеко не единственным основанием морали.

В этом отношении позиции рассматриваемых авторов чреваты рядом противоречий. Так, с самого начала Вааль заявляет критику рационалистического подхода, с позиции которого мораль рассматривается

как законы и принципы, навязанные «сверху» разумом. Ученый защищает подход «снизу вверх» и убежден, что человек не извлекает данные принципы «из рациональных рефлексий»: «Вместо того, чтобы рассматривать нравственность как тонкий налет лоска, теперь утверждают, что она исходит изнутри, что это часть нашей биологии...» [6, с. 67]. Итак, с одной стороны, оказывается, что мораль – это часть нашей природной организации, нашего животного прошлого. Однако далее мы находим в том же тексте совершенно иные высказывания об основаниях искомой сферы: «...Мораль создается в ходе повседневных социальных взаимодействий, а не на каком-то абстрактном ментальном уровне... Что если она коренится в эмоциях, которые в большинстве случаев не поддаются аккуратной классификации, столь любимой наукой?» [там же, с. 39–40]. Итак, по-прежнему отрицается роль разума в нашем нравственном поведении, однако истоками последнего теперь выступает не биология, как утверждалось выше, а общественные отношения... И в таком случае совершенно не понятно, о каких именно эмоциях говорит автор в последней цитате. Логично предположить, что речь идет о той области нашей чувственности, которая формируется с раннего детства в процессе социализации и именуется в литературе социальными инстинктами, или социальными эмоциями. То есть в данном случае истоком морали будет уже не врожденное, биологически заданное чувство, а чувство, детерминированное включенностью в социальные отношения. Четкое определение социального инстинкта, как и прояснение механизма его возникновения и действия, мы встречаем в работах С. В. Савельева. Он провидит различие между биологически и социально заданными формами поведения и инстинктивного реагирования. Однако у Вааля отсутствует явное разграничение разных видов чувственного опыта, а истоками морали попеременно выступают то социум, то биология.

Еще одним пунктом концепции Вааля, заключающим в себе противоречие, оказывается роль разума в обосновании моральных принципов. Категорически отрицая «подход сверху вниз», ученый в то же время утверждает нечто обратное: «Дело в том, что одних чувств недостаточно. Мы стремимся к логически цельной и непротиворечивой системе и спорим о том, как смертная казнь согласуется с утверждениями о священности жизни...» [там же, с. 31]. Однако разве в результате этих споров мы не спускаем «сверху вниз» законы, принятые на основе рациональных доводов? Автор не только дает положительный ответ на данный вопрос, но также утверждает необходимость на современном этапе социокультурного развития такой верховодящей логики в области этики: «...Несмотря на всю мою уверенность в том, что

мораль коренится в эмоциях, биология не слишком хорошо подготовила нас к правам и обязанностям в масштабе современного мира. Мы развивались как групповые животные, а не как граждане мира» [там же, с. 333–334]. Важно заметить, что в логике автора происходит немалая путаница: если мы определяем моральные принципы на основании разума, то именно в нем, прежде всего, и «коренится» мораль, а отнюдь не в эмоциях. По крайней мере, не в тех эмоциях, которые в данном случае имеет в виду Вааль, – природных врожденных интуициях. Вместе с тем мы вовсе не отрицаем важности чувства в процессе интеллектуальной работы, об этом будет сказано особо.

В конечном итоге, при более внимательном рассмотрении можно увидеть, что Вааль, по сути, указывает на три истока морали – природа, социум и разум. Однако он их не разграничивает и потому полагает, вопреки логическим следствиям из целого круга своих высказываний, что единственным основанием нравственного поведения выступает врожденное чувство. Думается, в данном случае ученому не достаёт тонкостей философской рефлексии и умения отличать, пользуясь терминами К. Ясперса, «начало» от «происхождения». «Начало, – пишет философ, – исторично и... несет для последующих поколений все возрастающее количество предпосылок» [13, с. 19]. Можно согласиться с тем, что «историческое начало» протоморального поведения связано с биологическими механизмами, закреплено в формах инстинктивно-гормональной регуляции (С. В. Савельев), и выражается во врожденных эмоциях и интуициях. Однако в процессе эволюции происходят становление культуры, развитие социума и многократное усложнение внутригрупповых отношений, для упорядочивания которых указанный вид регуляции оказывается явно не достаточным. Сложная система правил, не передающихся по наследству, а закрепляемых в традициях и соответствующих моральных нормах, берет свое «происхождение» из «предпосылок» сложившихся на определенном этапе социальных взаимодействий. При этом общественная мораль, воспитанная с самого раннего возраста, также запечатлевается на чувственном уровне в виде соответствующих автоматизмов и инстинктов.

Таким образом, противоречивость рассмотренных концепций Вааля и Хайдта связана с тем, что ученые не проводят различия между биологически-инстинктивным и социально-инстинктивным поведением. На наш взгляд, данные противоречия возможно снять на базе методологии системного подхода. Социальная система, перешедшая на качественно новый уровень организации, порождает принципиально иные структуры, определяющие отношения между индивидами: биологически регулируемое взаимодействие сменяется социокультурным управлением,

механизмы которого существенно отличаются от прежних врожденно заданных форм. Другими словами, с точки зрения системного подхода истоки морали не в далеком животном прошлом, а в самом наличном уровне организации системы, в его существенных характеристиках и базовых взаимодействиях. Говоря словами Ясперса, в «предпосылках», детерминирующих «происхождение», а не в самом «начале». В данном случае Вааль впадает в ту форму редукционизма, которая, по мысли Канта, является естественной склонностью нашего разума, стремящегося всю сложность изучаемых феноменов свести к некому единому первоначалу.

Далее, в отличие от Вааля мы полагаем, что разум в области этики приобретает ценность не только на современном этапе социокультурной эволюции, в свете процессов глобализации. Его роль всегда была принципиальной там, где возникали более сложные ситуации, чем то предусматривал набор социальных правил, заложенных в рамках некой культурной традиции. Правда, чаще всего потребность рационального осмысления морального поступка остро стояла перед одним или несколькими членами конкретного социума, которые не сумели в силу обстоятельств вписаться в его общие нормы и потому оказались перед необходимостью поиска иных жизненных принципов. Такой человек вынужденно преодолевал социальные инстинкты и самостоятельно вырабатывал для себя систему ценностей. При этом доминирующая роль разума в основании морали вовсе не исключает действия биологических и социальных механизмов, однако в данном случае меняется их роль и значение. Например, человек также может испытывать врожденную «эмоциональную склонность к сотрудничеству» (Вааль) или эмпатию, но способен подавить первичное сильное желание помочь другому, если на основе рациональной оценки ситуации это представляется несправедливым.

Итак, мы полагаем возможным выделить три истока происхождения морали: биологический, социальный и разумный. При этом каждому из них соответствует свой комплекс чувственных переживаний. Подчеркнем, что данный комплекс формируется и там, где истоком морали является разум. При этом мы соглашаемся с интуиционизмом в том, что моральное решение первично проявляется именно на уровне чувственного переживания, срабатывая автоматически и неосознанно. Автоматизмы возникают там, где формируются устойчивые комплексы реакций (чувств, образов или мыслей) на определенный раздражитель, которым в контексте интересующей нас проблематики выступает поведение в сфере морали. В случае разумных истоков морального поведения чувственное впечатление развивается в результате длительной сознательной работы, приведшей

человека, в конечном итоге, к уяснению ряда принципиальных нравственных вопросов и формированию относительно устойчивой системы ценностей. Из известных нам определений более всего для характеристики данного чувства подходит понятие вкуса. В литературе оно чаще всего используется в области эстетики, хотя изначально возникало для различения хорошего и дурного в любой сфере человеческой духовности.

Каждый комплекс чувственных переживаний зарождается на своем материале и закрепляется в соответствующих формах. Биологическое чувство заложено в нас природой и по своей сути мало чем отличается от чувства голода или жажды. Социальные эмоции возникают на основе институтов и культурных традиций конкретного общества, усваиваются с детства бессознательно и также неосознанно и автоматически срабатывают в определенной ситуации. Рациональные инстинкты, как и всякие другие, действуют интуитивно и мгновенно, но формируются на основе разумного осмысления действительности и сознательно культивируются индивидом, закрепляясь, в конечном итоге, в виде морального вкуса.

Разум и чувство не отделимы друг от друга и представляют собой две взаимосвязанные стороны, характеризующие некоторые аспекты работы нашего сознания. Есть такие чувства, которые напрямую зависят от уровня нашей мыслительной деятельности. Говоря иначе, то, что мы способны прочувствовать, зависит от того, что и как мы можем осмыслить, и, наоборот, то, на что способна наша мысль, не в последнюю очередь зависит от того, что мы умеем в чувстве.

Таким образом, можно выделить три уровня зарождения и развития морали: биологический доморальный, социальный (быть может его стоит определить как протоморальный, этот вопрос для нас еще остается открытым) и разумный, собственно моральный. На каждом выделенном уровне работает своя базовая способность (коррелирующая с соответствующим видом чувственного переживания), на основе которой осуществляется нравственное поведение во множестве конкретных ситуаций. На биологическом

уровне действует инстинктивно-гормональная регуляция, на социальном – рассудочная работа сознания, не доходящая до предельных оснований морального выбора. На разумном – абстрактное рациональное мышление, требующее понимания фундаментальных положений той или иной системы ценностей для возможности ее принятия или отвержения. Безусловно, каждый из указанных уровней требует более внимательного рассмотрения, чему будет посвящена вторая часть данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Никомахова этика. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 222 с.
2. *Эпикур*. Письма и фрагменты Эпикура // Материалисты Древней Греции : собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. 239 с.
3. *Шекспир У.* Гамлет, принц датский. URL: <http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>
4. *Эмерсон Р.* Нравственная философия. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. 384 с.
5. *Сапольски Р.* Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 766 с.
6. *Вааль де Ф.* Истоки морали : в поисках человеческого у приматов. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 376 с.
7. *Haidt J.* The Emotional Dog and Its Rational Tail: a Social Intuitionist Approach to Moral Judgment // *Psychological Review*. 2001. Vol. 108, № 4. P. 814–834.
8. *Юм Д.* Исследование о принципах морали // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 171–314.
9. *Ильин Е. П.* Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
10. *Савельев С. В.* Церебральный сортинг. М. : ВЕДИ, 2016. 232 с.
11. *Достоевский Ф. М.* Великий инквизитор // Братья Карамазовы. Ч. 2, кн. 5. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/p.37/index.html>
12. *Haidt J.* The Happiness Hypothesis : Finding Modern Truth in Ancient Wisdom. URL: <https://www.happinesshypothesis.com/happiness-hypothesis-intro.pdf>
13. *Ясперс К.* Введение в философию. Минск : Пропилей, 2000. 192 с.

Воронежский государственный университет

Вяткина А. Г., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: allavia85@mail.ru

Voronezh State University

Vyatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: allavia85@mail.ru